

Сергей Зверев

Крестный. Политика на крови

*Часть сборника
Крестный. Путь наверх
(сборник)*

Рожденный вором

Сергей Зверев

Крестный. Политика на крови

«Научная книга»

Зверев С. И.

Крестный. Политика на крови / С. И. Зверев — «Научная книга»,
— (Рожденный вором)

«— Ты уверена? — задумался Валерий Сергеевич, глядя на слабоосвещенный кирпичный забор, ограждавший территорию машиностроительного завода. — Здесь метров двести глухого перегона. Люди почти не ходят. Проходная завода находится совсем с другой стороны, по улице Хвесина.— Ну и что из того, — продолжала настаивать на своей идее Юля, молоденькая девушка, недавно включенная в группу агитаторов, — зато здесь оживленная трасса. По ней проходят два автобусных маршрута и один троллейбусный. И если мы развесим портрет нашего кандидата, тогда за световой день его физиономия сотни раз попадется на глаза проезжающим мимо пассажирам и водителям...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Зверев

Крестный. Политика на крови

Глава 1

– Ты уверена? – задумался Валерий Сергеевич, глядя на слабоосвещенный кирпичный забор, ограждавший территорию машиностроительного завода. – Здесь метров двести глухого перегона. Люди почти не ходят. Проходная завода находится совсем с другой стороны, по улице Хвесина.

– Ну и что из того, – продолжала настаивать на своей идее Юля, молоденькая девушка, недавно включенная в группу агитаторов, – зато здесь оживленная трасса. По ней проходят два автобусных маршрута и один троллейбусный. И если мы развесим портрет нашего кандидата, тогда за световой день его физиономия сотни раз попадется на глаза проезжающим мимо пассажирам и водителям.

– Если на заборе портреты развесим, администрация завода сдерет все к чертовой матери. В нашем избирательном штабе мне сказали, что директор завода нашего кандидата не жалует, – возразил Валерий Сергеевич.

– А мы не на заборе повесим, – парировала Юля, – а на столбах и деревьях у завода. Столбы – не забор, собственностью завода не являются. Опять же с троллейбусов портрет будет лучше виден – ближе к дороге.

– Ну что ж, – наконец принял решение Валерий Сергеевич. Он был старшим из агитаторов, работающих в этом районе. – Давай действуй. Я думаю, пятнадцать портретов тебе хватит.

Валерий Сергеевич отсчитал необходимое количество отпечатанных типографским способом цветных фотографий и передал их Юле.

– Начинай клеить, – сказал он, – а мы, чтобы время не терять, пойдем в жилой массив. В двух кварталах отсюда по улице Рабочей есть три пятиэтажные «сталинки», мы там будем работать. Надо листовки по почтовым ящикам раскидать и остатки портретов по стенам расклеить.

Валерий Сергеевич повернулся к невысокому толстому парню в очках:

– Толик, пойдем. Юля нас потом догонит.

Куривший Толик бросил сигарету на асфальт, затер ее ногой и нехотя поплелся за старшим группы. Кроме того что Толик был толстый, он нес еще большой рюкзак, набитый агитационными листовками и плакатами, поэтому с трудом успевал за своим хоть и пожилым, но бодрым руководством. Юля недолго провожала коллег взглядом и тут же принялась за работу.

Студентка университета, будущий специалист в области социальной психологии, Юля Королева, едва начались выборы мэра и депутатов городской думы, добровольно отправилась в избирательную кампанию, записавшись в группу поддержки кандидата Леонида Силантьева.

Собственно, по большому счету Юле было все равно, в чьем штабе работать. Главное для нее – попробовать свое умение и приложить знания, полученные за время учебы, в конкретном деле. Очень уж хотелось молодой и шустрой девчонке посмотреть, во что на практике преломляются такие понятия, как «избирательные технологии», «особенности массового сознания», «электоральное мышление»...

Однако свой выбор Королева сделала все же в пользу Силантьева и его «Движения за экономические свободы» (ДЭС). Королевой импонировал сам молодой кандидат и команда, поддерживающая его. Юля знала также, что основную экономическую и интеллектуальную поддержку Силантьеву оказывают предприниматели, преимущественно средние и мелкие. Главным же спонсором «Движения за экономические свободы» и Силантьева как кандидата

на пост мэра города от этого движения являлась ассоциация «Корвет», возглавляемая Сергеем Потаповым.

Последний сам избирался в городскую думу по Волжскому району. Предвыборная кампания уже длилась неделю. Юля полностью вошла в работу. Ее включили в группу к Петухову Валерию Сергеевичу, ведущую агитационную работу в Заводском районе города.

«Ну вот и славно, – произнесла Юля, наклеивая последний из оставленных ей портретов Силантьева, – сейчас мы тебе разгладим морщинки, – Юля ладонями разровняла плохо приклеившийся на столбе бумажный портрет, – и будешь ты здесь висеть аж до самого тридцать первого августа, пока тебя в начале сентября какой-нибудь работник ЖКХ не сдерет вульгарными движениями со столба».

Юля отошла на несколько шагов от столба и поглядела на изображение Силантьева. Претендент на пост мэра города улыбался юношеской улыбкой. Его светлые пушистые волосы были тщательно уложены, строго зачесаны назад. Юля отметила про себя некое несоответствие между задорной улыбкой молодого кандидата и строгостью его прически.

«Наверно, хотели придать Ленечке больше солидности», – подумала она про себя.

В шутку между собой агитаторы называли своего кандидата по имени и уменьшительно-ласкательно. Отчасти оттого, что Силантьев был молодой политик: ему еще не исполнилось и тридцати, но в основном это получалось как бы само собой, в качестве психологической разгрузки. Видимо, невозможно, изо дня в день рекламируя и пропагандируя серьезность и значимость своего кандидата, еще и в беседах между собой упоминать его имя без доли иронии.

«Ладно, – решила про себя Юля, – завтра сообщу начальнику штаба Гусину свои соображения по усилению визуальной значимости Леонидушки. В конце концов должны же они прислушаться к мнению молодых специалистов».

Решив так, Юля свернула трубочкой опустевший пластиковый пакет, в котором она держала портреты кандидата в мэры, и отправилась по освещенной фонарями улице в направлении, в котором не так давно скрылись Петухов и Толик.

Время было уже позднее, около одиннадцати вечера. Уставшей за день Юле хотелось домой, а для этого надо было поскорее помочь Сергеичу и Толику раскидать агитационные листки по подъездам и таким образом «обработать» намеченный на сегодня жилой массив, в котором завтра должна была состояться встреча Силантьева с избирателями.

Отыскать Петухова с Толиком для Юли было несложной задачей, поскольку, как опытные следопыты, бредущие по городским джунглям, они оставляли за собой «насечки» на заборах, столбах, стенах домов в виде наклеенных листовок, содержащих краткое изложение предвыборной программы кандидата в депутаты или в мэры.

Юля, повернув на улицу Хвесина и подойдя к трем «сталинкам», не обнаружила Толика с Сергеичем ни во дворе первой, ни во дворе второй.

«Быстро они работают, – подумала про себя Юля, направляясь во двор третьей пятиэтажки. – Видимо, тоже домой хотят».

Подходя к подворотне последнего дома, Юля посмотрела на часы: ровно одиннадцать тридцать.

«Ну, до двенадцати успею, – подумала она, – значит, полпервого буду дома. Приму душ и спать. А завтра снова полседьмого подъем, в восемь на работу. Нет, что ни говори, а выборы – это все же сумасшествие».

Однако этим планам Юли сбыться было не суждено. Еще входя в подворотню она услышала странные приглушенные удары. В какой-то момент Юле показалось, что кто-то из жильцов вышибает пыль из своего матраса. Но каждый из таких ударов сопровождался человеческим стоном и злобными высказываниями. По инерции войдя в подворотню, Юля

остановилась как вкопанная. Зрелище, представшее перед ее глазами, заставило Юлю содрогнуться от ужаса.

* * *

Вишневая «восьмерка» петляла по улице, аккуратно объезжая выбоины и ухабы. Дороги в Заводском районе были еще те. Поэтому водитель «Жигулей», мощный коротко стриженный громила, постоянно вертел руль, который почти касался его большого пуза, то влево, то вправо, стараясь сбросить автомобильную подвеску от ям и ухабов.

– Слушай, Баклан, – обратился он к сидевшему рядом с ним пассажиру, – долго мы еще будем колесить по этим закоулкам?

Баклан бросил на обрюзгшее лицо водилы спокойный немигающий взгляд и ровным, без эмоций голосом сказал:

– Сколько надо, столько и будем.

– А с чего ты взял, что они здесь сегодня орудуют?

Баклан отвел взгляд на дорогу и произнес:

– Есть информация из надежных источников, что сегодня они здесь.

– Может, они уже разбросали свои бумажки и по домам отправились.

– Не отправились, – ответил Баклан. – Час назад нам звонили и сказали, что они шустрят в этом районе. Так что информация надежная. А ты, Гиря, давай помалкивай и рули себе.

– Куда рулить-то? – спросил Гиря.

– Поворачивай сейчас на улицу Хвесина, – ответил Баклан, – там есть несколько жилых домов. Пошарим среди них.

Гиря, крутанув руль, свернул машину на указанную Бакланом улицу и повел на малой скорости вдоль череды жилых домов. Через минуту Гиря прокомментировал:

– Похоже, и здесь мы опоздали. Видишь, бумажки на домах уже развешаны.

Молчавший до этой минуты Баклан вдруг неожиданно вскрикнул:

– Заткнись, вон они! – И указал пальцем в сторону подворотни. – Видишь, два мужика нырнули во двор?

– Угу, – пробубнил обиженный Гиря.

– Притормози недалеко от подворотни.

Гиря остановил машину. Обойдя «восьмерку» сзади, он открыл багажник и вынул оттуда две бейсбольные биты, одну из которых протянул подошедшему Баклану.

– Где мы их долбить будем? Прямо на улице? – спросил он.

Баклан огляделся: улица пуста, не видно прохожих, что вполне обычно для этого района. Из десяти уличных фонарей горели только два, да и те далеко от дома.

– Нет, – не согласился с напарником Баклан, – все же лучше в подворотне. Во дворе или на улице могут увидеть и вызвать ментов. А в подворотне никто не помешает.

Бандиты направились в арку пятиэтажного дома, ведущую во двор. Зайдя в нее, Гиря подошел к единственной горевшей лампочке на стене и ударом биты разбил ее. Арка погрузилась в темноту.

– Подождем, – сказал Баклан и закурил, засунув при этом биту под мышку.

Ждать пришлось минут десять-пятнадцать. Примерно через это время в арочном проеме показались две фигуры агитаторов. Баклан бросил сигарету на землю и, вооружившись битой, пошел им навстречу.

Уставшие за день Петухов и Толик не сразу обратили внимание на то, что в подворотне уже не горит свет, а навстречу им направляются двое громил. Осознав опасность, Валерий Сергеевич крикнул:

– Толик, беги!

Но было поздно. Бандиты ударили почти одновременно. Действовали они профессионально – сначала удар битой по ногам, затем избиение уже лежащих на земле жертв.

Ни пожилой Петухов, ни увалень Толик не оказывали почти никакого сопротивления. Баклан несколько раз ударил Петухова битой. Уже второй из ударов попал в голову Валерию Сергеевичу и отключил его сознание. Но, несмотря на это, Баклан продолжил избиение. Также нещадно дубасил Толика и Гирия. И если бы не рюкзак на спине Толика, в котором находилось несколько пачек с листовками и плакатами и который служил своеобразным щитом, Гирия бы давно уже сломал ему позвоночник.

Неожиданно бандитов прервал отчаянный женский крик:

– Прекратите! Что вы делаете!

У входа в арку стояла молоденькая девушка.

– Прекратите, мерзавцы! – еще громче закричала она.

Баклан бросил взгляд на Гирию и коротко произнес:

– Валим отсюда, быстро!

Оба бандита устремились к выходу из арки. От их приближения Юле, и без того ужаснувшейся происходящему, стало еще страшнее, она подняла руки, закрыв ими лицо, ожидая удара по голове. Но проходящий мимо нее Баклан что есть силы ткнул ей битой в живот. У девушки перехватило дыхание, и она, согнувшись, упала на колени, держась руками за живот.

Но едва схлынула первая волна острой боли, Юля все-таки поднялась на ноги и, по-прежнему держась руками за живот, вышла из подворотни на улицу.

В это время бандиты уже завели «восьмерку» и машина резко, с пробуксовкой колес, стартовала с места. Юлю ослепил яркий свет, исходящий от автомобильных фар. Она зажмурилась и снова отпрянула в подворотню. Машина на большой скорости пронеслась по улице и скрылась из вида, повернув на ближайшем перекрестке.

Юля подошла к лежащему без движения Валерию Сергеевичу. Рядом тихо постанывал Толик. Юля дотронулась до виска Петухова, пытаясь отыскать пульс. Пульс был слабым, едва уловимым. Юля ощутила на своих пальцах что-то липкое.

«Кровь», – мгновенно пронеслось в ее голове. – Господи, надо быстро вызывать «Скорую».

* * *

– Не верю я в эти политические игры, – упрямо твердил Гаврилов, водружая очки на нос. – И политикам я тоже не верю. Никто не дает больше невыполнимых обещаний, чем они. Да это самые беспредельщики, для них никаких правил и понятий не существует, одни лишь политические интересы!

– Никому не верить – это первое правило, ему ты меня еще на пересылке учил, в самом начале моего срока, – спокойно ответил старику Потапов. – Вступая в эту игру, я руководствуюсь не только своими интересами, но и беру в расчет интересы других тоже. Пойми, Василий Петрович, без политического прикрытия, без своей руки в структурах власти работать будет все тяжелее и тяжелее.

– Политическое прикрытия, мать их!.. – выругался старик и, поднявшись из-за письменного стола, прошелся по комнате.

Неожиданно он схватил лежащую на кресле газету и потряс в воздухе:

– Как эту агитацию читаю, так даже у меня, старого зэка, много чего повидавшего на своем веку, на душе мерзко становится. Кого нам предлагают? Один мудила, другой педрила... Да этих козлов за бабки всегда купить можно, и будет у тебя своя рука во власти!

– Покупать после выборов дороже, цены будут уже другие, – парировал Потапов, – а надежность такого прихвата слабоватая. Мне эти рожи тоже не нравятся, вот поэтому я своего человека во власть толкнуть хочу.

– Ну а почему не ты сам? – неожиданно спросил Гаврилов. – Почему бы тебе, Сережа, самому не рвануть на пост городского главы? Зачем нужны эти прокладки между тобой и политикой.

– Почему не я? – усмехнувшись, спросил Потапов. – Да потому, что я вор в законе, ты сам меня короновал, я криминальный авторитет по прозвищу Крестный, бизнесмен с уголовным прошлым, это самое мягкое определение, которое мне дают! Да как только я вылезу, против меня объединятся все-все мои соперники и получают при этом поддержку сверху. После чего меня просто и без всяких формальностей уберут с дистанции, посадив до конца выборов на нары по липовому делу, которое потом даже до суда доводить не будут. Зачем? Выборы уже пройдут, и ничего не воротишь – ни денег, ни перспектив.

Старик молча слушал взволнованную речь Потапова, задумчиво покусывая дужку своих очков.

– Нет, Василий Петрович, я для них опаснее, когда чуть в тени стою, являюсь таким серым кардиналом. В этом случае меня достать труднее, – подвел итог Потапов.

– Ты как будто на судьбу свою обижен? – прищурившись, предположил Гаврилов. – Словно жалеешь о том, что она не так сложилась?

– На судьбу обижаться глупо, – улыбнулся в ответ Сергей, – другой уже не будет. Я просто реально оцениваю положение вещей. И к тому же не мое это, не публичный я человек, чтобы на политических спектаклях главные роли играть, людям мозги компостировать. Профессия режиссера мне ближе. Мне важнее, чтобы дело мое развивалось и крепло. Вот для этого я и затеял политические игры...

Гаврилов, продолжая мусолить дужку очков, прошел к своему столу. Сейчас он снова напоминал Сергею профессора. Но, похоже, дорогие костюмы и модные сорочки не очень-то прижились в его гардеробе. Сегодня он был одет в мятую теплую рубашку и такое же трико. Видимо, эта одежда была для него куда привычнее и комфортнее.

Сев за стол и надев очки, Гаврилов посмотрел на Сергея решительно и деловито.

– Понял я, что тебя не отговорить, скорее ты меня в чем-то убедил. Ну а что тебе от меня-то надо в этом деле? – спросил он.

– Просто хотел узнать, не имеешь ли ты своих интересов в начинающейся предвыборной кампании, – пояснил Потапов. – Ты ведь один из пайщиков моего банка, хотя и негласный. Может, у тебя свои мысли насчет выборов есть, свой человек, которого ты бабками поддерживать желаешь в выборах... Финансирование моего кандидата Силантьева пойдет через мои структуры, в том числе через банк.

– Нет у меня планов на этот счет, – хмуро ответил ему Гаврилов, – действуй по своему усмотрению... И под свою ответственность...

Старик бросил взгляд на деловые бумаги, лежащие на столе перед ним, минуту-другую размышлял о чем-то, после спокойно заговорил:

– Я хоть и старый уже, но все же пытаюсь многое понять в этой жизни, научиться чему-то. Вот читаю учредительные документы одной конторки, в которую вложиться хочу, мне тут и справки разные направили сопроводительные, и законы новые принесли почитать. Жизнь изменилась, и многого я в ней не понимаю уже, не так далеко вижу, как ты, Сережа.

– Не скромничай, Василий Петрович, – усмехнулся Потапов, – твоей мудрости и прозорливости многие позавидуют.

Старик не обратил никакого внимания на комплимент и продолжал:

– Наверное, ты правильно рассуждаешь, по-современному. И делаешь ты все правильно... Но попомни мои слова, Сережа, – неожиданно резко заявил он, – как бы ты все верно ни замыслил и как бы ловко ни вертелся, а все равно тебя кинут в этой игре. Потому что она без правил...

* * *

Был уже второй час ночи, когда черный джип «Гранд-Чероки» отъехал от особняка Гаврилова и помчался по пустынным улицам к центру города.

В машине кроме водителя сидели двое пассажиров – Сергей Потапов и Иван Дегтярев, начальник охранного агентства «Легион», предприятия, входящего в ассоциацию «Корвет», возглавляемую Потаповым.

У обоих прошедшим днем было полно дел, поэтому к концу дня ни у того, ни у другого не было особого желания разговаривать. Сергей молча курил, Дегтярев просто угрюмо смотрел за дорогой. У обоих и в будничные дни хватало работы, но сейчас, в период выборов, нагрузка на всех удваивалась.

Неожиданно раздался звонок сотового телефона. Потапов поморщился, словно от зубной боли, загасил сигарету в пепельнице и вынул из кармана телефон.

– Слушаю, Потапов.

– Это Гусев звонит, – послышался в трубке знакомый голос начальника избирательного штаба.

– Что случилось? – удивленно спросил Потапов, так как столь поздними звонками Гусев его еще не беспокоил.

– Чепэ, Сергей Владимирович, – произнес Гусев. – Сегодня вечером в Заводском районе были избиты наши агитаторы.

– Где они сейчас? – спросил Потапов. – И есть ли какая-нибудь информация о нападавших?

– Пока ничего не известно. Знаю только то, что пострадавшие находятся в городской травматологии. Двое мужчин в тяжелом состоянии. Девушка, по ее словам, отделалась легкими травмами. Она, собственно, мне и позвонила из больницы.

– Хорошо, я понял, – ответил Потапов и, отключив связь, убрал телефонную трубку в карман пиджака.

Поймав на себе вопросительный взгляд Дегтярева, Потапов коротко изложил ему суть сообщения. Джип остановился у перекрестка на красный свет. Сидевший за рулем джипа крупный мужчина лет пятидесяти с большими залысинами на голове бросил хмурый взгляд в зеркало заднего вида и спросил:

– Ну куда теперь поедem, Сергей?

Потапов подумал несколько секунд, потом произнес:

– Гони в городскую клинику, Терентьич.

Терентьич был одним из немногих людей, которые обращались к Потапову по имени. Отчасти это было вызвано тем, что он был старше Потапова лет на двадцать, отчасти дружескими отношениями, которые сложились между ними за время их совместной работы.

Услышав распоряжение, Терентьич молча кивнул. Джип яростно заурчал, рванулся вперед и, повернув на перекрестке, помчался по улице Карасева к городскому парку, рядом с которым и находилась городская клиническая больница.

Несмотря на серьезный возраст, Терентьич не утратил вкуса к быстрой езде. Временами он удивлял Потапова тем, с какой ловкостью ему удавалось маневрировать в автомобильных потоках города. Но при этом Терентьич почти никогда не попадал на дороге в аварийные ситуации, видимо, сказывался тридцатилетний опыт работы шофером.

– Что ты думаешь по этому поводу? – спросил Дегтярев, нарушив воцарившуюся в салоне автомобиля тишину. – Чьих это рук дело?

– Я думаю, мы это выясним, – ответил Потапов. – Важно другое: выборы начались, и надо быть готовыми ко всему.

– Вот это-то меня и смущает, – угрюмо проговорил Дегтярев. – Именно ко всему. Мы ввязались в игру со слишком высокими ставками, поэтому чем значимее успех, тем больших пакостей нам стоит ждать со стороны конкурентов.

Потапов оторвал взгляд от ночной трассы и повернулся к Дегтяреву.

– Так мы вроде по-мелкому уже давно не играем. Что это ты вдруг так забеспокоился?

– Я понимаю, – ответил Дегтярев, – но сейчас речь идет о политической власти в городе. Готовы ли мы к такой борьбе, и не проще ли договориться с кем-нибудь из фаворитов – с Буковским или Стекловым?

Потапов, нахмурившись, отвернулся от Дегтярева и произнес:

– Это бессмысленная трата времени и денег. В лучшем случае мы станем одними из спонсоров одного или другого. Нас заставят раскошелиться и, возможно, сделать грязную работу для чужого дяди.

– Можно взять с них какие-то обязательства и гарантии на будущее, – предложил Дегтярев.

– Этим людям нельзя верить, – возразил Потапов. – Они не понимают ни что такое мораль, ни что такое чувство долга. Они понимают только свои интересы. После избирательной кампании у нас не останется никаких рычагов давления на них.

Потапов помолчал несколько секунд, словно размышляя над сказанным.

– Нет, мы выступим на этих выборах как самостоятельная организация. И даже если Силантьев не станет мэром и мы не получим большинства в думе, мы хотя бы зарекомендуем себя политической силой, с которой невозможно не считаться в будущем. – Сергей снова повернулся к Ивану и, усмехнувшись, добавил: – К тому же поздно думать об обратном ходе: игра уже началась. И есть неплохие шансы, что она закончится удачно для нас, – сказал он уже серьезно.

– Я тоже очень надеюсь, – ответил Дегтярев, – но пока мы едем в больницу, где лежат первые жертвы политической возни. И это потери с нашей стороны.

* * *

Больничный коридор был почти полностью погружен в темноту, за исключением двух мест. Свет горел над столом, за которым сидела дежурная сестра, а также над дверью, ведущей в реанимацию. Здесь на стуле сидела Юля Королева.

Сразу, как только Валерия Сергеевича отвезли в реанимацию, Юля от дежурной медсестры позвонила в избирательный штаб Силантьева и сообщила о случившемся, после чего вернулась к входу в реанимационное отделение. Как человек чуткий и отзывчивый, она не могла уйти, не узнав от врачей о состоянии здоровья Петухова.

В коридоре раздались шаги приближающихся людей. Юля подняла глаза и увидела, что к ней идут двое крупных и рослых мужчин.

Когда они приблизились к свету, Юля узнала обоих. Первым шел молодой мужчина лет тридцати – тридцати пяти, черноволосый, коротко постриженный, со спокойным взглядом темных глаз. Тонкий нос с горбинкой. Элегантный серый костюм, белая рубашка и темный галстук. Это был Потапов, член избирательного штаба Силантьева и один из кандидатов в депутаты от ДЭСа.

Шедший рядом с Потаповым высокий мужчина с резкими чертами лица и хмурым взглядом был директор охранный агентства Иван Дегтярев, главный «силовик» в структуре, возглавляемой Потаповым.

«Странная личность этот Потапов, похож на бывшего спортсмена. Кажется, он был боксером, – размышляла про себя Юля. Ее взгляд снова скользнул по крупной фигуре Потапова. – Петухов же отзывался о нем как-то неопределенно, заявив с иронией, что он авторитетный

бизнесмен. Другие говорили мне, что он окончил университет, служил в армии, а потом был осужден и провел за решеткой несколько лет... Странно, но про него можно подумать и то, и другое, и третье. Одно можно сказать точно – в нашем штабе он главный персонаж, хотя и держится в тени Силантьева. Впрочем, без поддержки такого вот серьезного человека в политику лезть не стоит, и Ленечка об этом знает. Ведь и эти козлы, которые нас сегодня избивали, тоже работали на кого-нибудь из политиков».

А в том, что избиение было фактом именно политической борьбы, Юля не сомневалась. Похоже, не сомневались в этом пришедшие Потапов и Дегтярев, иначе не явились бы в больницу в столь поздний час. Едва мужчины остановились около нее, Юля приподнялась и сказала:

– Это я звонила Гусеву и предупредила о случившемся.

Потапов кивнул, давая понять, что он в курсе того, что она сообщила Гусеву, и тут же, глядя на то, как девушка прижимает к животу руки, спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

– Да я-то ничего, – отмахнулась Юля, – отделалась лишь синяками и ушибами. А вот Сергеичу и Толику досталось. У Толика перелом ребер. Он сейчас в палате лежит. А Петухов в реанимации.

– Что с ним? – спросил Потапов.

– Черепно-мозговая травма.

– Каково состояние?

– Об этом лучше всего спросить у врачей, но, по-моему, неважное, – ответила Юля.

– В милицию сообщала? – спросил Дегтярев.

– Да, в милицию сообщили. Это сделал врач «Скорой помощи», который нас сюда привез, – ответила Юля и после небольшой паузы спросила:

– Милиция найдет этих сволочей?

– Не знаю, как милиция, – угрюмо произнес Потапов, – а мы их точно найдем. Но для этого ты должна сообщить нам все подробности: как выглядели нападавшие, сколько их было, были ли они на машине и вообще, где все это произошло.

Что-то в речи Потапова убедило Юлю в том, что произнесенные слова не пустая угроза и что эти люди, стоящие перед ней, сделают все, чтобы найти бандитов.

Юле очень этого хотелось. Она даже не стала вникать, что может стоять за словами Потапова, она просто очень хотела, чтобы виновные понесли наказание за содеянное, поэтому без лишних слов, четко и ясно описала, насколько запомнила, внешность бандитов.

– ...Точно помню, что машина была или «девятка», или «восьмерка» вишневого цвета. И еще, – произнесла Юля, заканчивая свой рассказ, – я запомнила, что номер начинался с буквы «Т» и цифры «8».

Дегтярев внимательно выслушал весь рассказ Королевой, периодически занося услышанное в маленькую записную книжку, едва заметную в его широкой ладони.

– Это все? – спросил он, когда Юля закончила.

– Да, пожалуй, все. Если что-нибудь еще вспомню, то сразу же сообщу вам.

– Добро, – кивнул Иван.

В этот момент из реанимации вышли двое мужчин в белых халатах.

– Ну, что с Петуховым? – бросилась к ним Юля.

– Тяжелая черепно-мозговая травма, состояние стабильное, но в сознание пока не приходил. Мы сделали все, что возможно, – ответил один из врачей, который был постарше.

– Вы можете дать какие-нибудь прогнозы?

– А кто вы ему будете? – спросил врач, оглядывая Потапова.

Сергей представился:

– Моя фамилия Потапов, я из избирательного штаба, в котором работал ваш пациент.

– А-а, кандидаты, депутаты, ну-ну, – проговорил врач и добавил: – Могу точно сказать, что выборы пройдут без участия вашего коллеги.

Потапов не обратил внимания на насмешливый тон врача и спросил:

– Я имею в виду его здоровье: будет он инвалидом или нет?

– Вполне возможно, что инвалидность у него будет, – ответил врач. – Надеюсь, что он застраховался, когда пошел работать на вас.

Врач оглядел не слишком любезным взглядом Потапова, после чего со своим коллегой отправился в соседнюю с реанимацией комнату, на двери которой было написано «Ординаторская». Потапов, Дегтярев и Королева некоторое время стояли в молчании. Наконец тишину прервал Дегтярев. Он спросил, обращаясь к Потапову:

– Ну что будем делать?

Потапов задумчиво посмотрел на Дегтярева:

– Позвони Горчакову, пусть лично займется этим делом вне зависимости от того, кому его поручат. И еще, – продолжил Потапов, – надо бы дать информацию в газеты.

Юля не знала, что Горчаков является майором милиции и служит в должности замначальника уголовного розыска. Не знала она также, что Горчаков уже не один год имеет дружеские отношения с Потаповым, которые подкреплены к тому же материально, поскольку милиционер получал от Потапова круглые суммы к своему невеликому милицейскому жалованью. Всего этого Юля не знала, но по поводу второго предложения Потапова у нее было свое мнение, которое она решила высказать.

– Мне кажется, лучше всего сообщить об этом по телевидению, – сказала она, – и не просто сообщить. Кандидат на пост мэра Силантьев должен сделать это заявление сейчас, из стен больницы. Он должен рассказать о том варварстве и беззаконии, которые были допущены во время избирательной кампании. Именно в этом случае, – добавила она, – из создавшейся ситуации можно извлечь максимум пользы.

Потапов с удивлением выслушал девушку, после чего переглянулся с Дегтяревым.

– Что ж, толково, – одобрил предложение девушки Сергей, – пожалуй, так мы и сделаем. Она права, нам нанесли удар, мы должны ответить. То, что предложено девушкой, является на данный момент лучшим ответом.

Потапов вынул из кармана телефонную трубку и набрал номер. Пока в трубке слышались длинные гудки, он дал распоряжение Дегтяреву:

– Сходи к врачам и договорись насчет ухода за больным и насчет видеосъемки в помещении. Я позвоню Силантьеву и телевизионщикам.

Дегтярев кивнул и пошел в ординаторскую. В этот момент в трубке послышалось:

– Алло.

– Леонид, это Потапов тебя беспокоит, – представился Сергей. – Ты уже в курсе случившегося?.. Я думаю будет правильно, если ты приедешь сейчас в больницу и пообщаешься с прессой. Я и Дегтярев уже здесь.

Из разговора Потапова с Силантьевым Юля поняла, что кандидату в мэры не очень хочется ехать ночью в больницу и общаться с прессой, однако Потапов твердо настоял на своем, и Силантьев дал согласие.

После этого разговора Потапов снова набрал телефонный номер и спросил:

– Алло, это программа новостей? Шатунов сейчас на работе? Дайте, пожалуйста, ему трубку. Алло, Семен, это Потапов звонит. У меня к тебе дело. Надо сделать репортаж об одном событии. Да, я понимаю, время уже позднее и у тебя полно работы. Но времени это много не займет. А поздние часы всегда оплачиваются по повышенной таксе. Да-да, жду тебя. Тебя встретят у входа в клинику. Достаточно будет тебя и человека с видеокамерой. Хорошо, жду.

Потапов отключил трубку сотового телефона и положил его в карман.

– Ну вот, – сказал он, – сейчас начнется.

В это время Дегтярев в ординаторской выслушивал нелицеприятные высказывания старшего дежурного врача.

– Да вы с ума сошли! – кричал врач. – У нас здесь больница, а не телестудия. И в конце концов, как вам не стыдно. Человек в тяжелом состоянии, а вы будете у его постели интервью давать. Вы хоть немного думаете о больном или нет?

– Думаю, – хмуро ответил Дегтярев, – уж поверьте мне, мы сделаем все, чтобы он выздоровел. На своих людей мы не жалеем ни денег, ни времени.

Он вынул из кармана бумажник, достал оттуда несколько купюр и, свернув их, положил в нагрудный карман белого халата врача.

– Что касается нашего человека, то вот деньги на лекарства для него. Это на первый случай.

Дегтярев помедлил, потом свернул еще несколько купюр и снова протянул их врачу.

– А это вам, за особое внимание к нашим двум больным.

Врач посмотрел на сложенные купюры, сумма была значительная, и он, колебавшись секунду-другую, взял деньги и убрал в карман. Дегтярев улыбнулся одними губами, вынул визитку и положил ее на ближайший стол:

– Это мой телефон. Если возникнет необходимость в новой помощи – звоните, а сейчас дайте нам полчаса.

– Хорошо, – согласился медик. – Только чтобы все было тихо.

– Не волнуйтесь, покой больных мы не потревожим.

Силантьев и телевизионщики приехали почти одновременно. К этому времени в больницу уже приехала опергруппа милиции, и следователь брал показания у Юли Королевой.

Когда Потапов позвонил Силантьеву, тот уже спал. Но, несмотря на это, прибыл в больницу в костюме, белой рубашке и модном цветастом галстук. Буквально через минуту появились три человека с телевидения. Один из них, невысокого роста, средних лет, с мелкими чертами лица и живыми глазами-бусинками, подошел к Потапову и Силантьеву. Это был начальник телевизионной службы информации Семен Шатунов.

– Ну, что у вас тут случилось? – спросил он, глядя на Силантьева и Потапова.

После того как ему объяснили суть происходящего, он сказал:

– Хорошо, давайте снимать, у меня немного времени. Сначала мы сделаем несколько видов реанимационного отделения, затем неплохо бы поговорить с врачами и милицией и в конце дать интервью Силантьева.

Шатунов и его коллеги ушли брать интервью у врачей и милиционеров. Силантьев вынул из кармана пиджака расческу и стал зачесывать свои волосы назад.

– Черт, где бы себя привести в порядок, – произнес он, выйдя на свет и стараясь разглядеть свое отображение в стеклянной коридорной двери.

– Я думаю, что сильно стараться не стоит, – сказала молчавшая все это время Юля.

– Не понял, – Силантьев отвернулся от импровизированного зеркала и посмотрел на Королеву. – Почему это?

– Вы ведь не на митинге, а в больнице. Приехали сюда поздно навестить своего коллегу по предвыборной борьбе, которого постигло несчастье. Людям будет куда понятнее образ народного избранника, который, узнав о несчастье, примчался в больницу, не успев привести свой внешний вид в порядок, нежели человека, который ехал, заранее зная, что предстоит общение с телевидением. Поэтому пусть волосы останутся в естественном убранстве. Галстук тоже надо снять, и расстегните ворот рубашки, – продолжила Юля свои наставления. – И вообще, эта прическа, с которой ваша физиономия расклеена на листовках по городу, вам совершенно не идет, – добавила она в конце.

Теперь пришла очередь Силантьеву недоумевающей смотреть то на Юлю, то на Потапова.

Потапов улыбнулся и сказал:

– Ты знаешь, по-моему, она абсолютно права. К тому же, если честно, – он на секунду замолчал, – мне тоже не нравилась эта дурацкая прическа.

Силантьев, выслушав Потапова, пожал плечами, убрал расческу и снял с шеи галстук, спрятав его в карман пиджака.

– Ну вот и отлично, – сказал Потапов, оглядев Силантьева. – Сейчас появится Шатунов, прикинь в голове текст выступления.

– Уже прикинул, – ответил Силантьев.

* * *

В телевизоре одна за другой мелькали кадры видеохроники. Сначала был показан Петухов с перебинтованной головой, лежащий в реанимации. Затем немного удивленное и испуганное лицо Толика, лежащего в соседней палате. Потом несколько слов произнесли дежурный врач больницы, принимавший пациентов, молодой лейтенант милиции, оформлявший протокол дознания по факту избиения.

Наконец очередь дошла до Силантьева. На экране появилось молодое, симпатичное, немного уставшее лицо кандидата на пост мэра, который произнес:

– Уважаемые избиратели. Я обращаюсь к вам не как кандидат на пост мэра нашего города и не как лидер «Движения за экономические свободы», а как обыкновенный гражданин и избиратель. Сейчас настал такой момент выборов, когда мы все должны явственно осознать всю полноту ответственности за ход избирательной кампании. Вы должны осознать, как много значат для нас свобода и демократия, потому что именно сегодня вечером случилось то, что подвергает сомнению тот факт, что свобода и демократия пришли в нашу страну навсегда, так как главное завоевание демократии – это право граждан избирать и быть избранными.

Силантьев откашлялся в кулак и продолжил:

– Сегодня ночью подонки, не побоюсь этого слова, совершили нападение на людей, работающих агитаторами. На людей, выступающих от моего имени и по моему поручению. Они были зверски избиты и теперь находятся здесь, в городской клинической больнице. Жизнь одного из них под угрозой. Я обращаюсь ко всем избирателям: сделайте правильный выбор, не допустите к власти тех, кто нанял этих бандитов. Я обращаюсь также к вам, к тем, кто избирается на столь высокие должности. Пора наконец понять, что демократии без свободных выборов не бывает, не стоит превращать эти выборы в фарс, в мафиозные разборки. Я призываю вас к честному соперничеству. Пусть избиратель решит, кто из нас лучше. В заключение надеюсь, что правоохранительные органы проявят себя на этот раз с лучшей стороны и быстро найдут виновников происшедшего.

Силантьев замолчал, после чего картинка с его изображением исчезла и на экране телевизора появился Шатунов, сидящий в студии.

– Ну что ж, господа, – произнес он с сардонической улыбкой на лице, – из репортажа можно сделать только два вывода: первое – предвыборная борьба уже началась и приняла ожесточенные формы, и второе – выборы действительно очень много значат для нас.

Шатунов сделал паузу:

– Ну а теперь послушаем очередное сообщение социологов о ходе избирательной борьбы. По последним данным социологов, как и предсказывали специалисты, на первом месте находится нынешний мэр города господин Стеклов, возглавляющий к тому же движение «Наш город». Ему отдали предпочтение двадцать четыре процента опрошенных. На втором месте стоит господин Буковский, бывший работник областной администрации, лидер движения «Правый центр». Он набрал двадцать процентов. Третье место занимает кандидат от «Дви-

жения за экономические свободы» господин Силантьев, бывший депутат городской думы. За него, если бы выборы состоялись сейчас, проголосовало девятнадцать процентов опрошенных.

На экране появилась табличка, состоящая из фамилий и цифр, характеризующих настроение избирателей перед выборами. Шатуновский голос за кадром продолжил комментарий:

– Как видите, разрыв между ними невелик, видимо, они и будут основными претендентами на пост в мэры. Далее следует господин Караганов, независимый кандидат – двенадцать процентов голосов, кандидат от левых господин Шевчук – десять процентов голосов, и эколог Лившиц с пятью процентами голосов...

Потапов поднял пульт, выключил широкоэкранный телевизор, стоящий в дальнем углу зала заседаний, и обратился к товарищам, сидящим вместе с ним за круглым столом.

– Итак, господа, как нам только что поведал известный журналист Шатунов, предвыборная борьба началась. Вчерашний инцидент я оцениваю как откровенный выпад против нас, – Потапов на секунду задумался, – или провокацию. В любом случае мы должны найти виновных и узнать, для чего это было сделано на самом деле.

Потапов посмотрел на Дегтярева, сидящего рядом с ним.

– Я навел справки сегодняшней ночью, отчасти мне в этом помог Горчаков, – заговорил Иван. – Проанализировав все возможные варианты, мы пришли к двум: пара похожих людей на похожих машинах присутствует в двух бригадах. Первая – в бригаде Вальта, орудующего в Ленинском районе. Там у него есть некий Тюпа, по фамилии Тюрин, у которого есть «девятка» красного цвета и в номере присутствует буква «Т» и цифра «8». Второй вариант – бригада некого Барыбина по кличке Барыба, работающего в Заводском районе. У него в бригаде есть два «быка»: Дружков по кличке Гиря, владелец вишневой «восьмерки», и некто Борисов по кличке Баклан. Они дружбаны по жизни и по описанию очень похожи на тех, о ком говорила избитая ими девушка. Номер «восьмерки» Гири больше совпадает по тому описанию, которое она дала. К тому же сам факт, что инцидент произошел на территории Заводского района, где у бригады Барыбы сильные позиции, говорит в пользу этой версии.

Потапов молча выслушал информацию. Неожиданно голос подал Константин Титов. Костя был директором еще одного охрannого агентства – «Омега», входящего в ассоциацию «Корвет».

– Мне кажется, здесь долго думать не надо, – произнес Титов. – Слишком многое указывает на Барыбу и его братков. У нас с ним и раньше проблемы были. Помните, полгода назад мы открывали три своих магазина в Заводском районе. Он еще тогда пытался на нас наехать. Я в тот период на каждый магазин по машине охранников каждую ночь отсылал, чтобы, не дай бог, что-либо не случилось.

Костя оглядел присутствующих и остановил свой взгляд на Потапове.

– Тогда была установка на то, чтобы не допустить войны. Вот мы и оборонялись. Ты тогда сам, Сергей Владимирович, на «стрелку» с Барыбиным ездил, внушал ему, что с нами связываться не стоит и что его интересы мы не затрагиваем, поскольку свои фирмы открываем, а не его коммерсантов под свою «крышу» переманиваем.

Потапов, без сомнения, помнил все эти события и тем более удивлялся тому, что случилось сейчас.

«Что это могло быть? – спросил он про себя. – Открытый вызов Барыбина? Его запоздалый ответ? Тогда он не решился на открытые действия. Зачем же он делает это сейчас?»

Сергея оторвал от его размышлений голос Силантьева:

– Ходили слухи, что Буковский и Барыбин тесно связаны. По крайней мере, их сотрудничество началось еще в то время, когда Буковский работал в администрации Заводского района.

– Если это так, – произнес Потапов, – то весьма вероятно, что Барыбин выступил в предвыборной борьбе на стороне Буковского и будет делать для него всякую черновую работу. А

поскольку он имеет давний зуб на нас, то можно предположить, что в отношении нас он будет пакостить с особой радостью.

– И уже пакостит, – добавил Костя. – Я считаю, что надо отвечать адекватно. Этот Барыба давно напрашивается.

– Адекватно мы ответим, когда будем иметь полную информацию и точно знать, что это дело рук Барыбина. Для этого ты, Костя, встретишься сегодня с пострадавшей девушкой. Ее зовут Юля Королева. Дашь ей водителя и охранника и пусть они пару дней покрутятся вокруг тех мест, где обычно бывают эти двое барыбинских «быков», как их...

– Гиря и Баклан, – ответил Дегтярев.

– Ты, Иван, – Потапов перевел взгляд на Дегтярева, – сегодня же свяжись с Барыбой и назначь «стрелку». Пусть она пройдет на его территории, главное, чтобы как можно быстрее.

– Что, опять переговоры вести будем? – спросил Костя.

– Мы всегда сначала пытаемся договориться, – жестко ответил Потапов, сурово взглянув на Костю, но через секунду, уже смягчившись, добавил: – Особенно это важно сейчас, во время выборов. Несмотря на то что мы новое движение, наш кандидат сейчас занимает уже третье место. Это хорошая стартовая позиция. Поэтому не стоит портить ситуацию резкими действиями.

– Я могу сказать, – взял слово Гусев, высокий худой мужчина с пышной седой шевелюрой, – что в «Новостях», которые мы слышали сегодня, не привели данных по рейтингу предвыборных блоков. А здесь у нас еще более сильные позиции, наше движение идет на втором месте, уступая лишь два процента блоку «Наш город». Эти данные я получил сегодня утром, – добавил он, поправив на своем тонком длинном носу круглые очки в тонкой металлической оправе.

– Ну вот и хорошо, – ответил Потапов. – Какие у нас на сегодня еще вопросы? – Его взгляд остановился на сидевшем за столом Юрии Ламберте, председателе правления «Дисконт-банка» – финансового центра всей ассоциации «Корвет» и основного источника финансирования выборов. – Все ли намеченные суммы переведены в избирательный фонд?

– Да, – спокойным меланхоличным голосом ответил Ламберт. – Вчера были переведены последние сто тысяч рублей. – Ламберт черкнул что-то в своем блокноте и добавил, не поднимая глаз: – Надеюсь, это последняя сумма, которую банк переводит на предвыборные нужды. Следующие платежи могут привести к неустойчивому финансовому положению банка.

Потапов улыбнулся, ему нравилось, что этот спокойный светловолосый парень – выходец из поволжских немцев всегда сохранял ясную голову и в любой ситуации, даже в период предвыборных страстей, прежде всего думал о нуждах вверенного ему банка.

– Не волнуйся, Юрий Альбертович, политика – это тоже вложение денег. Даст бог, все окупим, – ободрил банкира Потапов.

В ответ Ламберт лишь молча пожал плечами и сделал вид, что все, что его интересует, – это лишь записи в деловом блокноте, лежащем перед ним.

– Не знаю, стоит ли об этом упоминать, – нерешительно заговорил Силантьев, – но в последнее дни я получил несколько телефонных звонков с угрозами. Видимо, это тоже является приметой начавшейся предвыборной борьбы. Такого не было со времен, когда я избирался в депутаты областной думы.

– И мне вчера угрожали по телефону, – произнес вслед за Силантьевым Гусев.

– А чего они от вас хотят-то? – задал вопрос Костя Титов.

– Как обычно. Список претензий и угроз не оригинален – сними свою кандидатуру с выборов, не лезь не в свое дело, «яйца оторвем», – с улыбкой произнес Силантьев.

– Ну это не страшно, – в голосе Титова слышался сарказм, – к концу концов можно и без яиц быть неплохим мэром города.

Улыбка на лице Силантьева превратилась в кислую гримасу, он поежился плечами и ответил:

– Можно, конечно, но... не хотелось бы. К тому же я женат.

– На этот счет ты тоже не волнуйся, в беде тебя и твою супругу мы не бросим, – заверил с готовностью Титов и, расправив свои широкие плечи, откинулся на спинку кресла.

Почти у всех сидящих за столом мужчин непроизвольно вырвался смех. Улыбнулся даже Потапов. Лишь Юрий Ламберт продолжал сидеть с меланхоличным выражением лица, уткнувшись взглядом в свой блокнот. Видимо, подсчитывал убытки, которые нанесла его банку избирательная кампания.

Силантьев с деланным негодованием на лице повернулся к Потапову и произнес:

– Ты послушай, как эти люди говорят с будущим мэром города!..

– Ладно, хватит, – хлопнул ладонью по столу Потапов. – Веселье во время выборов – синоним пира во время чумы. Пора расходиться и заниматься своими делами.

* * *

Едва Потапов поднялся в кабинет и уселся за рабочий стол, как следом за ним вошла Вера, его секретарша.

– Пришел Горчаков, – сообщила она.

– Приглашай его, – ответил он, вставая из-за стола и направляясь навстречу входящему в кабинет невысокому полному мужчине в форме майора милиции.

– Привет, Виталий, – протянул руку Потапов.

– Здравия желаю, – ответил Горчаков.

– Мы вроде договаривались во время избирательной кампании встречаться лично лишь в исключительных случаях, – пожав Горчакову руку, сказал Сергей.

– Не волнуйся, – улыбаясь, ответил Горчаков, – я в вашей конторе официально. Зашел взять показания по делу об избииении ваших агитаторов. А поскольку ваш штаб находится у тебя в особняке, мой визит ни для кого подозрительным не станет.

– В таком случае присаживайся, – предложил Потапов, указывая на кожаный диван. – У меня к тебе есть вопросы.

– Не знаю, на все ли вопросы я смогу ответить, – произнес Горчаков, – но постараюсь.

– Это правда, что авторитет из Заводского района Барыба связан с Буковским, кандидатом от «Правого центра», и что их вообще может связывать? – задал вопрос Потапов.

– Уверен, что это правда, – почти не раздумывая, ответил Виталий. – А что людей обычно связывает? Ответ простой – общие дела. Более конкретно я ничего тебе сказать не могу. – Горчаков прервался и после некоторой паузы продолжил: – Но одно предположение все же выскажу. Год назад город захлестнула волна «левой» водки. Продавалась она во многих магазинах и ларьках. Было несколько случаев отравления. И плевали бы городские власти на это, если бы не отравилась какая-то городская «шишка». Вот тут-то городскому отделу борьбы с экономическими преступлениями и поручили провести рейды по отлову бутлегеров. Ребята постарались, изъяли из торгового оборота несколько крупных партий «левака» и в конце концов вышли на один подпольный цех по производству «левой» водки. Но, видимо, здесь наступил перебор. Вмешалась чья-то волосатая лапа, и дело «спустило на тормозах». Каким-то мелким сошкам дали условные сроки. Цех, естественно, прикрыли. На этом дело и ограничилось. – Горчаков посмотрел на Потапова и добавил: – Я для чего все тебе это рассказал. Дело в том, что работники цеха в первоначальных своих показаниях указывали на Барыбу как на хозяина. Потом, правда, они в отказ пошли, мол, сами все это придумали и организовали. И еще, по слухам, телефонные звонки с просьбой не раздувать дело шли из областной администрации, где тогда же Буковский и работал.

– Ну что же, продажа «левой» водки – неплохой источник финансирования избирательной кампании, – прокомментировал Сергей. – Это правда, что Буковского поддерживает губернатор, отношения которого с мэром города в последнее время сильно испортились?

– Ходят среди нашего начальства и такие слухи, – ответил Горчаков.

– А что сам мэр, он как-то очень уж уверен в себе, – произнес Потапов. – Говорят, он большой оригинал, у него в городской администрации в секретариате работают одни юноши, молодые и симпатичные, – произнес последнюю фразу, Потапов улыбнулся.

– То, на что ты намекаешь, в наше время уже не оригинальность, – заулыбался Виталий. – Что касается финансирования Стеклова, то избирательный фонд пополнили его давние дружки, директора крупных городских заводов. Они знакомы еще по советским временам. К тому же наш начальник городской милиции его протеже... Собственно, об этом я и хотел с тобой поговорить.

Горчаков бросил на Сергея быстрый взгляд и тяжело вздохнул:

– Поскольку Стеков в дружеских отношениях с нашим руководством, то нам всем дано негласное указание не вредить мэру. Поэтому я в этих выборах не смогу быть тебе сильно полезен, если дело хоть как-то коснется Стеклова. Пойми меня правильно.

– Может, вы еще и охранять его возьметесь? – спросил Потапов.

– В этом нет необходимости, – ответил Горчаков, – его все время охраняют люди из агентства «Эфес». Директор этой конторы некто Бабаков, бывший майор милиции, давнишний приятель Стеклова.

– Ну что ж, спасибо, что предупредил, – хмуро произнес Потапов. – Буду иметь в виду, что на тебя не следует особенно рассчитывать.

– Мне пора, – произнес Горчаков, поспешно вставая с дивана, – звони, если что. Чем могу, помогу.

Виталий пожал протянутую руку Потапова и отправился к выходу.

– Кстати, – неожиданно произнес Сергей, – а что это за птица Караганов, что в вашем ведомстве про него знают?

Горчаков пожал плечами и произнес:

– Похоже на то, что он работает в паре с Буковским, на подстраховке. Если вдруг все соперники Буковского снимут свои кандидатуры, чтобы сорвать выборы, Караганов останется и таким образом выборы состоятся. А вообще он мелкая сошка, серый человек. Ничего особенного.

Глава 2

Черный джип «Гранд-Чероки» и следующий за ним седан «Опель-Омега» въехали на территорию заброшенного склада, расположенного на окраине города, и остановились у большого ангара, сделанного из металлоконструкций. Как и все складское хозяйство, он находился в запущенном состоянии – ворот нет, с крыши сорваны листы шифера, в стенах вместо окон зияют дыры.

Терентьич посмотрел на Потапова, сидевшего рядом с ним, потом на Титова и Дегтярева, которые расположились на заднем сиденье. Между ними сидела Юлия Королева.

– Въезжать будем, – спросил шофер, – или все-таки пойдете посмотреть, что там.

– Езжай, Терентьич, – ответил Дегтярев, – все уже посмотрели. Я сюда за два часа до «стрелки» с Барыбой своих людей выслал. Они звонили и сказали, что все чисто... Пока чисто...

– Вот то-то и оно, что пока, – угрюмо проворчал Терентьич и, отвернувшись от Дегтярева, нажал ногой на педаль газа.

Джип заурчал и через раскрытые ворота въехал в просторное складское помещение. Следом за ним последовал и «Опель» с сидевшими в нем пятью охранниками. Обе машины прошли по бетонному покрытию и остановились в центре ангара. Потапов посмотрел на наручные часы – было без трех минут шесть. Встреча назначена на шесть.

– Могли бы уже и появиться, – произнес Терентьич, опершись обеими руками на рулевое колесо.

– Не волнуйся, – сказал Титов, – появятся. Я уверен, что они здесь недалеко сидят, попрятались по закоулкам. Просто ждали, когда мы проедем. Это их территория, поэтому места им хорошо знакомы.

– А на черта мы вообще назначили встречу на их территории, – проговорил Терентьич раздраженно.

– Да хватит тебе, Терентьич, волну гнать, панику подымаешь, – весело проговорил Костя. – Девчонку вон напугал, бледная сидит как мел.

Юлия действительно сидела молчаливая и бледная.

Ближе к вечеру Потапов вызвал Юлю к себе в кабинет и предложил ей поехать с ним на какую-то встречу. Он не уточнил с кем, но сказал, что это очень важно, поскольку есть надежда, что на этой встрече будут присутствовать те люди, которые совершили нападение на нее и ее товарищей. Еще он добавил, чтобы она не удивлялась ничему тому, что на встрече будет происходить.

Поначалу предложение показалось ей интересным и даже немного романтичным. Однако сейчас, когда она оказалась в этом огромном, темном, сыром и слабоосвещенном ангаре, ей сделалось немного не по себе.

Но все же она не испугалась, поскольку присутствие рядом с ней Потапова и его людей давало ей ощущение защищенности. Она была уверена, что эти физически крепкие, уверенные в себе мужчины больше не допустят того, чтобы с ней случилось еще одно несчастье.

– Неправда, – сказала она, стараясь придать голосу как можно больше уверенности и оптимизма, – мне вовсе не страшно. Просто все это немножко... необычно.

– А для нас, – весело произнес Костя, – это уже давно обычное дело. Это на Западе люди устраивают переговоры только в офисах, а в России для этого приходится выезжать на природу или проводить встречи вот при таком антураже, – Костя засмеялся. – Специфика такая, российская.

– Тихо, – раздался голос Потапова, – вон они едут.

Действительно, в этот момент в ворота ангара один за другим стали въезжать автомобили. В джипе воцарилась тишина, которую снова прервал голос Титова.

– Ого, – удивился он, насчитав пять автомобилей, которые, въехав в ангар, остановились так, чтобы взять машины Потапова в кольцо.

Из машин стали выходить молодые парни. У двоих из них Потапов заметил бесприкладные автоматы Калашникова. Еще двое вооружены помповыми ружьями, похожими на те, что у охранников Потапова. У остальных пистолеты или пистолеты-пулеметы, видимо, были спрятаны под куртками и пиджаками.

– Так, так, так, – произнес Костя, – ну что же, господа гоблины, похоже, все в сборе. Боня здесь, вон его рыжая башка из-за бээмвухи торчит... Самурай тоже здесь. Это вон та разбевшаяся харя за рулем джипа. Самурай – правая рука Барыбы. Говорят, свою кликуху он получил в те времена, когда со стволами было туго. Поэтому он ездил на разборки с самурайским мечом. Где он достал этот ржавый полуметровый ножик, история умалчивает. В каком-нибудь этническом музее скоммуниздил, наверно... Так, ну а где же сам Барыба, неужели обосрался и не приехал? – Он замолчал на секунду и добавил: – В таком случае мне все это уже не нравится.

Дегтярев, молчавший все это время, положил руку на плечо Терентьичу и тихо проговорил:

– Терентьич, заведи мотор... на всякий случай...

После чего он взял с колен портативную рацию и, поднеся ее к губам, отдал распоряжение охранникам, находящимся в «Опеле»:

– Ребята, мотор не глушить. Слава и Андрей, вы у нас как ворошиловцы: глаз не спускайте с автоматчиков. Если что, по ним палите в первую очередь... Двое опытных автоматчиков нас тут всех могут положить.

В этот момент в ангар на большой скорости въехал серебристый «Мерседес» и, промчавшись в центр круга, резко затормозил.

Задняя боковая дверь машины открылась, и из нее медленно вылез грузный мужчина, одетый в трехцветное спортивное трико, красную майку и голубого цвета джинсовую куртку. У него был большой живот и практически отсутствовала шея. Поэтому создавалось ощущение, что его крупная, коротко стриженная голова с оплывшими щеками сидит прямо на плечах. Ниже головы висела крупная, толщиной в большой палец цепь, видимо, служившая указателем, где в случае необходимости у этого громилы можно найти шейные позвонки.

– А вот и толстожопый пожаловал, – весело произнес Костя Титов, которого эта ситуация больше забавляла, чем пугала. – Вы только посмотрите на него. Приехал на шестисотом «мерине». Да с его-то тушей и с его протокольной харей на грузовике ездить надо. Свою карьеру гоблина этот боров начинал в мясных рядах на рынке. Из мясников он и сколотил свою первую бригаду.

– Кончай базар, развеселился тут, – перебил Дегтярев, – смотри лучше, чтобы эти мясники нас не освежевали.

– Руки короткие, к тому же для этого еще и мозги нужны, – парировал Константин.

Видимо, это вообще была черта его характера: не унывать в тяжелых ситуациях. Он вынул из подплечной кобуры пистолет Макарова, снял его с предохранителя и, передернув затвор, положил его обратно, после чего подмигнул Юле, с ужасом смотревшей на эти движения.

– Ну что, пошли покалякаем с братками, – произнес он и стал вылезать из машины.

Дегтярев, скомандовав по рации: «Ребята, выходим!» – отправился вслед за ним.

Последним из машины молча вылез Потапов и, хмуро оглядевшись по сторонам, пошел к «Мерседесу», у которого стоял Барыба.

– О, Крестный! – воскликнул с деланой радостью Барыба, широко разведя руки.

Его толстая морда расплылась в лучезарной улыбке. И без того мелкие глазки скрылись в сощуренных от улыбки веках, явив миру две узенькие щелочки.

– Здорово, пацаны, – произнес он, кивая Дегтяреву и Титову. – Какие проблемы?

Потапов сделал вид, что не замечает протянутой для рукопожатия барыбинской руки и произнес:

– Мы с тобой, Барыбин, просто поговорить приехали. – Он оглядел по сторонам людей Барыбы, стоящих по кругу, после чего продолжил: – Но ты, похоже, даже поссать без охраны не ходишь, раз на «стрелку» всех своих быков притаранил. – Потапов снова оглядел вокруг себя людей Барыбина. – Человек, наверно, пятнадцать будет, не меньше.

Улыбка «стекла» с лица Барыбы куда-то вниз, щеки обвисли, на лице снова появились маленькие злобные глазки.

Он засунул ручищи в карманы спортивного костюма и булькающим голосом проговорил:

– Это, Крестный, не твое дело – сколько мне с собой стволов возить и сколько братвы с собой на стрелы брать.

Однако намек на трусость несколько смутил его. Он ухмыльнулся краем рта и сказал:

– Сам знаешь, времена нынче шепутные, беспределычиков много и отморозков всяких. Передела хотят. То вы на мою территорию влезете со своими магазинами, а то вдруг Ахмедка осмелел со своей бригадой чехов и тоже в наших местах орудовать начал. И все мне свистят, что они бизнесом занимаются и на зубах клянутся, что на мое кровное претендовать не собираются.

– Мне плевать, что там у тебя за дела с Ахмедом и его чеченцами, – произнес Потапов. – Я к тебе о своих собственных проблемах поговорить приехал. А возникли они, как ты говоришь, на твоей территории. На днях двух моих людей в Заводском районе на улице Хвесина избили до полусмерти. А они никаким бизнесом не занимались и уж точно на территорию ничью не претендовали. Двое мужчин и девушка просто листовки расклеивали для избирателей. Наверно, слыхал об этом что-нибудь?

– Не-а, – еще шире расплывшись в улыбке, ответил Барыбин. – Меня листовки не интересуют. Вот если бы они лотки торговые поставили, я бы быстро узнал об этом.

– Странно это как-то, территория ведь твоя. Сам говоришь, – с деланным недоумением сказал Сергей.

– Ну моя, – с угрозой в голосе подтвердил Барыба, – и чо теперь, мне братва о каждом пердеже докладывать будет, что ли?

– Так ведь дело в том, что по имеющейся у нас информации и людишки, избившие моих агитаторов, тоже твои были, – спокойным, слегка насмешливым голосом произнес Потапов. – Этих героев, бивших старика и девчонку бейсбольной битой, заметили у тебя в бригаде.

– Треп бестолковый, – категорично заявил Барыба. – Тебе туфту гонят, а ты веришь.

– А мне сдается, что туфту гонишь ты сам, – повысив голос, ответил Потапов. – Твоих мордovorотов описала нам пострадавшая девчонка, и это описание очень подходит двум твоим браткам. К тому же она запомнила часть номера их машины. Ну что ты скажешь по поводу этих аргументов? – спросил Сергей.

К этому моменту лицо Потапова побледнело от ярости, глаза прищурились, взгляд буравил лицо Барыбы.

– Да я поссать хотел на твои аргументы! – резко ответил Барыба, тоже разозленный не на шутку претензиями Потапова. – Мало ли кто на кого похож. И вишневых «восьмерок», у которых часть номера совпадает, в нашем городе тоже до той самой страсти как много.

Потапов, услышав этот ответ, неожиданно ухмыльнулся и произнес:

– Эх, Барыба, в удельные князья метишь, а мозги-то у тебя, как у управдома... Про вишневую «восьмерку» я ведь тебе ничего не говорил. Ты сам раскололся.

На сей раз настала очередь Барыбы прийти в ярость от осознания того, что он «лопхнулся» в простой ситуации, выдав себя.

– Но ты, фраер недоношенный, ты эти ментяровские примочки брось. На понт меня взять хочешь?! – взревел он и подошел вплотную к Потапову.

– Да чего тебя брать-то, ты и так весь на понтах, – съязвил Сергей, – вырядился как петух, да еще цепняк с палец толщиной на себя навесил. Все атрибуты гоблинской романтики. Никакой солидности.

– Что?! – снова взревел Барыба и набычившись ринулся на Потапова. – Да я тебя, падла, урою сейчас здесь, ты у меня кровью всю жизнь ссать будешь...

В следующий момент случилось то, что удивило и напугало многих присутствующих, в том числе и Барыбу.

Потапов молниеносным движением схватил его за лацканы джинсовой куртки и с такой силой рванул на себя, что Барыба, потеряв равновесие, повалился на Сергея.

– Ты, урод! – прохрипел Сергей. – Кончай со мной «на бля буду» разговаривать. Я твою распальцовку вмиг прекращу и твоей жирной мордой всю свою машину вытру...

Очухавшись, Барыба утвердился на ногах и сам схватил Потапова, пытаясь его завалить. Но, несмотря на то что Барыбин весил килограмм на тридцать больше, ничего сделать с Сергеем не смог. Тот по-прежнему держал его железной хваткой.

Послышались резкие щелчки затворов, стволы взлетели на уровень прицела, но стрелять никто не стал. Во-первых, потому что опасались попасть в своих главарей, а во-вторых, потому что Барыба и Потапов почти одновременно крикнули своим людям: «Не стрелять!»

За всем этим с замиранием сердца следила из машины Юля Королева. В ее глазах можно было прочесть и страх, и некоторое недоумение от увиденного.

Когда началась драка, Юля невольно вскрикнула:

– Он же его задавит!

Шофер Терентьич, оценивающим взглядом оглядев соперников, протянул:

– Не-ет, Серега мужик здоровый и в хорошей форме, а этот уж больно рыхловат будет, разжирел на бандитских харчах.

– А почему он все время называет Потапова Крестным? Откуда это прозвище? – не отрывая взгляда от происходящего, спросила Юля.

– Долго объяснять, – отмахнулся Терентьич. Он сильно нервничал, постоянно оглядывался по сторонам и регулярно давил ногой на педаль газа. – Просто когда-то он выступал крестным отцом на крестинах своих друзей... Вот с тех пор и повелось за ним это прозвище.

– А где теперь эти его друзья? – спросила Юля.

– Одного убили, другой... тоже мертв, – коротко ответил Терентьич.

В этот момент помощники растащили Потапова и Барыбу. Терентьич быстро повернулся к Юле и сказал:

– Ну-ка, дочка, подай мне черную сумку, что сзади тебя в багажном отделении стоит.

Юля развернулась и, вынув сумку, передала ее водителю. Тот извлек из нее небольшую антенну, которую поставил на заднее сиденье рядом с Юлей. Затем Терентьич вынул из сумки прибор, напоминающий магнитофон. Во всяком случае, гнездо для кассеты в нем было и кассета стояла на месте.

Терентьич подсоединил провод антенны к прибору и включил запись. Валики кассеты закрутились. Терентьич вставил в ухо маленький микрофон, также подсоединенный к прибору, и стал слушать. Что именно, Юля не поняла, так как звук водитель не включал.

Барыба нервно одернул лацкан своей куртки и произнес, задышавшись:

– Слушай сюда, Крестный. Ты, падла, себя больно крутым возомнил после того, как всякое старье тебя в воры короновало. К власти рвешься, в политику полез. Но сам того не знаешь, что перешел дорогу по-настоящему крутым людям. У тебя есть еще время подумать и свалить с выборов, пока не поздно, не то тебя раздавят, как щенка паровозом, пикнуть не успеешь...

Я же тебя сам и раздавлю, – Барыба скривился в злорадной усмешке. – Считаю, что я тебя последний раз по-хорошему предупредил.

– А первое предупреждение было, когда вы моих людей на улице Хвесина дубинками отходили? – спросил Сергей.

– В следующий раз мы не только твоих шестерок покалечим, но тебе ушиотрежем, – ответил Барыба. – А теперь вали отсюда по-быстрому. Не то я передумаю тебя целехоньким выпускать...

Потапов молча сплюнул и, повернувшись, пошел к своему джипу. Титов и Дегтярев остались стоять на месте до тех пор, пока Потапов не сел в машину, после чего Титов крикнул Барыбе:

– Стой на месте, крутизна, и не делай резких движений. Попробуй только пернуть, и мы наспигуем твою жирную тушу раньше, чем твои братки порешат нас.

«Чероки» уже тронулся с места, когда Костя последним запрыгнул в него. После этого остальные охранники попрыгали в «Опель», и их машина тронулась вслед за джипом.

Потапов, приводя в порядок помятый пиджак и поправляя галстук на шее, повернулся к Юле и неожиданно спокойным ровным голосом спросил ее:

– Ну что, узнала кого-нибудь?

– Да, – ответила Юля. – Вон тот здоровый мужик с угрястым лицом рядом с белой «Тойотой», точно он. И тот, что поменьше рядом с ним, очень похож. По-моему, это он ударил меня битой.

На коленях Кости Титова стоял прибор, похожий на магнитофон, который ему передал Терентий. Антенну Костя поставил в багажник сзади себя.

– Ты смотри-ка! – воскликнул он. – Работает! – Он повернул ручку громкости, и сквозь небольшие радиопомехи послышался голос Барыбы:

– Крестный, сучара поганый... падла воровская.

– Ой, – скривился Костя, – это, пожалуй, даме нельзя слушать, – и увернул громкость, продолжая слушать высказывания Барыбы через наушник.

– Как тебе удалось это сделать? – с едва заметной улыбкой на лице спросил Дегтярев.

– Ловкость рук, – усмехнувшись, ответил Сергей. – Я сначала долго определял, куда ему «жучок» засунуть, и понял, что лучшего места, чем воротник его джинсовой куртки, не найти. Поэтому пришлось его разозлить, заставить броситься на меня. В момент, когда мы сцепились, я и прикрепил ему «жучок» на воротник, – Потапов улыбался, довольный произошедшим.

– Подольше бы он его не находил, – задумчиво проговорил Дегтярев, – побольше бы мы узнали о его пакостях и планах.

– Куртка вроде чистая, надеюсь, раньше чем через месяц он ее в стирку не сдаст.

– А вот это интересно, – воскликнул Костя, – это можно послушать.

Костя прибавил громкость. Похоже было, что Барыба дает указания одному из своих ближайших подручных.

– В общем так, пусть Гиря и Баклан пока сховаются на несколько дней. Тачку в гараж, сами по домам.

– А что с этим Крестным делать? – последовал вопрос, адресованный Барыбину, видимо, одним из его подчиненных.

– Пока ничего, – ответил главарь. – Буковский сказал, чтобы его не трогали. Просто предупредили, и все, мы это и сделали. – Он помолчал несколько секунд, потом продолжил: – Сейчас есть дела поважнее. А этим беспредельщиком мы обязательно займемся, но попозже... Я ему лично его же кишки ему на шею намотаю и удавлю...

В радиоприемнике послышался треск, и голоса стали пропадать.

– Все, – сказал Костя, – отъехали. Эта фиговина больше чем на четыреста метров не работает. Говорил, что надо помощнее покупать. Говорят, что сейчас уже есть такие приборы, которые при дальности больше чем на километр работают.

– Ничего страшного, – ответил Дегтярев, – недалеко от склада его пасут Соловьев и Лапи-ков на машине, с таким же приборчиком. Поэтому все, что не услышали мы, – услышат они.

– Да, Сергей, – проворчал Терентьич, внимательно следя за дорогой, – не радужную пер-спективу тебе этот боров приготовил.

– Ладно вам, хватит об этом, – отмахнулся Потапов, – а то совсем девчонку запугаете. – Он бросил взгляд в зеркало заднего вида, в котором отразилось бледное и испуганное лицо Юлии.

– Ты чего такая грустная сидишь, – проговорил, улыбнувшись, Дегтярев и слегка потре-пал Юлю по плечу, – как ослик Иа, потерявший свой хвост.

– Как кто? – воскликнул Костя, удивленно взглянув на Дегтярева.

– Ослик Иа, – твердо повторил Дегтярев, с вызовом взглянув в глаза Кости. – Сказки про Винни Пуха читал?

Костя заржал:

– Ну, Ванюша, ты даешь! Я думал, что это прозвище какого-нибудь китайца из амери-канского боевика.

– Дурак, – проговорил Иван, – я книжки сыну на ночь читаю. Он отвернулся к боковому стеклу и добавил: – Когда, конечно, дома бываю.

Юля тоже удивилась. Она представить не могла, что такой суровый мужчина, как Дег-тярев, занимающийся тяжелой и опасной работой, может по вечерам читать своему сыну сказки. Она посмотрела на него с улыбкой и с нескрываемым удивлением.

– Я же говорил тебе, поездка будет необычной, – проговорил Потапов, по-прежнему глядя на Юлю в зеркало заднего вида, – не надо воспринимать все всерьез.

– Да уж действительно очень необычно, – проговорила Юля. – С таким я в своей жизни еще не сталкивалась. Но одно я поняла точно: похоже, судьба этих выборов решится далеко не на избирательных участках. Исход их зависит не от настроения избирателей и не от того, как грамотно ведется избирательная кампания, а от того, как завершится скрытая борьба, – она вздохнула и добавила: – Один из эпизодов которой я только что видела.

– Ну что ж, здравое рассуждение, – ответил Потапов. – И все же, несмотря ни на что, предлагаю вам продолжить работу в нашей избирательной кампании, но уже в должности зам-начальника штаба. Я думаю, Гусев не откажется от такой толковой и смышленной помощницы.

Юля посмотрела в зеркало и встретила взглядом с Потаповым.

– Вы, наверно, тоже удивитесь, – сказала она, – но я приму это предложение.

* * *

Барыба уже сорок минут сидел в машине на улице Гринева, метрах в ста от двухэтажного, ничем не примечательного особняка. Особняк располагался в старом жилом массиве, и лишь немногие знали, что здесь расположены шикарная сауна, которой пользовались как местом отдыха и переговоров представители городской администрации. Сегодня, как и каждую пят-ницу, здесь парился мэр города со своей немногочисленной свитой.

Барыбин подъехал к этому месту как раз к тому моменту, когда в сауну привезли деву-шек. По сведениям, которые имелись у Барыбы, это как раз означало середину веселья, когда отдыхающие уже выпили и расслабились в бане и у них, у расслабленных, со всей силой появи-лась многовековая тяга к противоположному полу.

Машина, в которой сидел Барыбин, была не привычным для него шестисотым «Мерседе-сом», а обычными «Жигулями» девятой модели. Иномарка, стоящая недалеко от места отдыха

высоких чинов, была бы слишком приметной, а на «девятку» мало кто обращал внимание. И хотя он сидел один на заднем сиденье, ему было страшно неудобно. Во все отечественные автомобили, за исключением «Волги», Барыбин помещался с трудом. Вот и сейчас он весь извозился, слегка раскачивая машину своей тушей. Но дело, ради которого Барыбин здесь присутствовал, надо было произвести лично.

«Посылку», которую ждал, он должен был получить из рук в руки. Таково было указание Буковского. Важность «посылки» так велика, что в случае ее получения можно было всерьез рассчитывать на победу в выборах.

Поэтому Буковский и требовал от Барыбина, чтобы тот лично принял посылку, дабы она не гуляла по рукам, чтобы не перехватили конкуренты.

Барыбин здесь уже не первый раз. На прошлой неделе, во вторник и в пятницу, он уже приезжал сюда. Но каждый раз дело срывалось, и приходилось снова в банные дни мэра приезжать к сауне и ожидать окончания веселья.

Сегодняшние мучения продолжились до двенадцати ночи. Приблизительно в это время дверь особняка распахнулась, и на улицу вышло несколько людей, одетых в серую форму. Это парни из охранного агентства «Эфес», личные телохранители мэра города Стеклова.

Один из парней поднес к лицу портативную рацию и что-то проговорил в нее. Через несколько секунд у тротуара перед входом в сауну припарковалась темно-синяя «Вольво»-850. Машину мэра обычно держали в соседнем переулке, чтобы не бросалась в глаза прохожим.

Через десять минут из подъезда вышел невысокий коренастый мужчина в очках, седой, на вид ему было лет пятьдесят. Это и был мэр города Стеков. Его сопровождал невысокого роста стройный симпатичный юноша – личный секретарь.

Охранник открыл перед ними дверь машины, и как только парочка чиновников погрузилась в нее, захлопнул, усевшись на сиденье рядом с водителем. Машина, приглушенно заревев, стартовала и помчалась по улице, миновав «девятку», в которой сидел Барыбин.

– Ну вот и отдохнули, педрилы долбаные, – криво усмехнувшись, проговорил Барыба.

Одна за другой к подъезду подъехали еще три машины, «Волги» с госномерами, и развезли пьяненькую публику по домам. Барыбин заметил, что некоторые чиновники уехали с девочками.

– Вот бляди сегодня подзаработают, – прокомментировал и это Барыба. – И делать-то особенно ничего не надо, все клиенты пьяные в жопу.

Затем подъехавший на «жигуленке» сутенер забрал у подъезда сауны невостребованных на ночь проституток и также укатил восвояси. Барыба посмотрел на часы, время было полпервого.

«Ждать осталось недолго, но будет ли толк», – подумал Барыба.

Баню покинул весь ее персонал, когда из дверей вышел маленького роста сухенький мужчина, одетый в темную рабочую куртку и темные брюки. Под мышкой он держал небольшой сверток. Оглядевшись, он направился к «девятке», в которой сидел Барыбин. Поравнявшись с ней, мужчина остановился и тут же нагнулся, склонившись над ботинком. Со стороны можно было подумать, что шнуры развязались...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.